

Валентина Голубовская

«И море, и Гомер – все движется любовью...»

Двор на Молдаванке.

Соседи.

Лица, разговоры, реплики.

Виноград «лидия».

Катальпа, как царственный шатер, с ее зелеными изысканными стручками и цветочками, похожими на крошечные орхидеи. Я их рассмотрела не на Екатерининской или Французском бульваре, а на ничем не примечательном углу Базарной и Заславского, где увидела цветение двух катальп!

Правда, для автора это дерево – акальпа. Может, когда-то

его так называли? Никогда не слышала.

Запахи сирени, акации, жареной рыбы, медовый запах варенья в медном тазу на примусе.

Балконы, лестницы, веревки с развешанным бельем, как парусная регата, иногда как флаги расцветивания.

Музыка.

Море.

Можно продолжать долго. Эти немногие беглые упоминания – из образов книги Григория Палатникова «Мой Амаркорд. Сладкая струна».

Григорий Палатников в своей жизни сделал не одну книгу, вернее, иллюстрации к книгам, которые становились их органическими графическими интерпретациями. Это иллюстрации к И. Бабелю, это «Илиада» Гомера, это одесская глава «Евгения Онегина». И этот перечень может быть продлен.

«Мой Амаркорд» – книга, где в типографский набор вписаны литографии и литографированный почерк автора. Книга словно рождается у нас на глазах с ощущением немыслимой легкости. За которой стоит многолетний труд и талант художника.

Книга об Одессе и нашем гостеприимном море, Понте Эвксинском, как восточном форпосте средиземноморской Ойкумены.

О людях Одессы.

Некоторые из героев этой книги нам знакомы.

Раиса Исааковна Ойгензихт и Семен Борисович Горовиц. Не могу похвастаться, что мы дружили с этой замечательной парой, но бывали у них в небольшой квартире, в том же флигеле, где было общежитие студентов консерватории. С ними дружили многие наши друзья, причем разного возраста, в разные годы. Их любимцем был Люсик Межберг. Из Нью-Йорка в письма к ним он, как открытки, вставлял свои рисунки и этюды. Часто доходили. От Муси Винер после ее ухода нам достался рисунок Люсика Межберга – Семен Борисович с каким-то стариком. Когда после долгого отсутствия Люсик стал прилетать в Одессу, он обрадовался, увидев у нас на стене свой старый рисунок. Я спросила: «Люсик, а кто с Семеном Борисовичем?» – «Шойхет!» Я переспросила: «Шойхет – это фамилия или профессия?». Люсик расхохотался и сквозь смех сказал: «Фамилия!». Больше вопросов я не задавала. Шойхет (не резник!) похож на бабелевского героя.

Сергей Ильин. И Сергея Ильина, и автора книги я помню совсем молодыми, в самом начале их студенческих лет. Потом мы ходили в знаменитый двор – Дерibasовская, 3. Двор привлекал многих не только памятником Заменгофу, создателю эсперанто, но и тем, что в глубине двора, слева, была мастерская Сережи Ильина. Часто мы приходили туда с кем-нибудь из приехавших

друзей. Серезины работы нравились, и сам Сережа не меньше. Хорошее было время, располагавшее к общению.

Одна из самых пронзительных глав этой замечательной книги называется «Доктор Нутис». Так обрадовалась, встретив в этом повествовании имя Таисьи Судьиной, достойнейшей женщины, свой талант скульптора отдавшей «на алтарь» преподавательской работы в художественном училище, которую любили студенты, коллеги и все, кто знал ее близко (светлая ей память!).

«Она всплеснула руками радостно, по-детски, как мне показалось, даже подпрыгнула: «Вас тоже лечил Нутис?». Когда же я поведал ей обо всем обряде, сопутствовавшем визиту врача, с неизменным стаканом чая, Тая посмотрела на меня внимательно: «Так вы не догадались? Он грел пальцы о стакан, чтобы не причинить ребенку ни малейших отрицательных ощущений». А Таисье Георгиевне и Григорию Аркадьевичу запомнился доктор как Нутис по его «старорежимному» обращению: «Нуте-с, молодой человек, проглотил и всё»...

Тая была совершенно права. Доктор Нутис делал то же, что и наш домашний доктор Софья Михайловна Лифшиц. Это врачи, а таких было много в Одессе, которых еще не вызывали, а приглашали. «Вызвать врача», а не «пригласить», – было дурным тоном. Меня посылали «пригласить Софью Михайловну», благо она жила в квартале от нас, на Гимназической. А мама ставила загодя на плиту чайник.

Пишу это 20 января. В этот день родился Федерико Феллини. Вспоминаю и «Дорогу», и «Ночи Кабирии», и «Сладкую жизнь» («La Dolce Vita»), и «Амаркорд»...

Название фильма состоит из нескольких частей. «Amarcord» ([a m'arcòrd]) – вариант итальянской фразы «mi ricordo», означающей «я помню», произнесенный на диалекте, распространенном в Римини. Кроме того, в названии присутствуют корни итальянских слов «любовь», «горький» и «нить», таким образом, вольным прочтением названия может быть «нити горькой любви, связывающие автора с прошлым» (из Интернета).

И сам Феллини переводил название своего фильма кратко:
«Я помню».

А я вспоминаю строфу из «одесского Амаркорда» –
Дон Аминадо:

Забыть ли счастливейших дней ореол,
Когда мы спрягали в угаре
Единственный в мире латинский глагол –
Amare, amare, amare!

У этой книги, совершенно одесской по духу, по восприятию мира есть еще одно очень привлекательное достоинство. Язык, каким она написана. Я имею в виду не только живописную выразительность (художник написал!), но ясность речи, отсутствие нынешних словесных «ужимок», якобы передающих одесский язык. Но прочитать одесское «с походом»! Ни на Привозе, ни на Новом базаре вам уже ничего не продадут «с походом»! Забытые слова...

По-одесски теплая, солнечная книга, в которой «все движется любовью».

